

М. В. Глеб

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

«БЕЛОРУССКИЙ МИЧУРИН»: КРЕСТЬЯНИН-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И. К. МОРОЗ В ИНСТИТУТЕ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1925 г.

Аннотация. Один из способов решения вопроса нехватки научных кадров в БССР в начале 1920-х гг. реализовывался Институтом белорусской культуры через практику привлечения к сотрудничеству всех граждан, имевших исследовательский опыт. Целью данной статьи является изучение примера крестьянина-исследователя И. Мороза, разработки которого привлекли настолько значительное внимание ученых Инбелкульта, что ему была предоставлена возможность чтения лекции для членов Сельскохозяйственной секции. В статье рассмотрены особенности кадровой политики Института белорусской культуры; охарактеризованы направления работы Сельскохозяйственной секции; изложены основные моменты выступления И. К. Мороза; определены причины, по которым сотрудничество Инбелкульта с И. К. Морозом не получило дальнейшего развития.

Ключевые слова: Институт белорусской культуры; история аграрной науки; Сельскохозяйственная секция; И. К. Мороз; крестьяне-исследователи.

Для цитирования. Глеб, М. В. «Белорусский Мичурин»: крестьянин-исследователь И. К. Мороз в Институте белорусской культуры в 1925 г. / М. В. Глеб // Сельское хозяйство Беларуси сквозь призму научных исследований (XIX – начало XXI в.) : докл. Междунар. науч. конф., Минск, 23 сент. 2021 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Беларус. с.-х. б-ка им. И. С. Лупиневича, Ин-т истории ; редкол.: Ю. О. Каракулько (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 273–282.

М. У. Глеб

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

«БЕЛАРУСКІ МІЧУРЫН»: СЕЛЯНІН-ДАСЛЕДЧЫК І. К. МАРОЗ У ІНСТЫТУЦЕ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ У 1925 г.

Анотацыя. Адзін са спосабаў вырашэння пытання недахопу навуковых кадраў у БССР у пачатку 1920-х гг. рэалізоўваўся Інстытутам беларускай культуры праз практыку прыцягнення да супрацоўніцтва ўсіх грамадзян, якія мелі даследчы вопыт. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вывучэнне прыкладу селяніна-даследчыка І. Мароза, распаўсюкі якога прыцягнулі

настолькі значную ўвагу навукоўцаў Інбелкульта, што яму была дадзена магчымасць чытання лекцыі для членаў Сельскагаспадарчай секцыі. У артыкуле разгледжаны асаблівасці кадровай палітыкі Інстытута беларускай культуры; ахарактарызаваны напрамкі работы Сельскагаспадарчай секцыі; выкладзены асноўныя моманты выступлення І. К. Мароза; вызначаны прычыны, па якіх супрацоўніцтва Інбелкульта з селянінам-даследчыкам не атрымала далейшага развіцця.

Ключавыя словы: Інстытут беларускай культуры; гісторыя аграрнай навукі; Сельскагаспадарчая секцыя; І. К. Мароз; сяляне-даследчыкі.

Maryna V. Hleb

*The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

«BELARUSIAN MICHURIN»: A PEASANT RESEARCHER I. K. MOROZ AT THE INSTITUTE OF BELARUSIAN CULTURE IN 1925

Abstract. One of the ways to solve the problem of the shortage of scientific personnel in the BSSR in the early 1920s was implemented by the Institute of Belarusian Culture (Inbelcult) through the practice of attracting all citizens with research experience to cooperation. The purpose of this article is to study the example of a peasant researcher I. K. Moroz, whose developments attracted such significant attention of the Inbelcult scientists that he was given an opportunity to lecture for the members of the Agricultural Section. The article examines the features of the personnel policy of the Institute of Belarusian Culture; the directions of work of the Agricultural Section; the main points of I.K. Moroz lecture; the reasons why the cooperation of Inbelcult with I.K. Frost did not receive further development.

Keywords: Institute of Belarusian Culture; history of agricultural science; Agricultural section; I. K. Moroz; peasant researchers.

For citation. Hleb M. V. «Belarusian Michurin»: a peasant researcher I.K. Moroz at the Institute of Belarusian Culture in 1925. Agriculture of Belarus through the prism of scientific research (XIX – early XXI century): proceedings of the International scientific conference, Minsk, September 23, 2021. Minsk, 2021, pp. 273–282 (in Russian).

С начала работы Института белорусской культуры (Инбелкульт) к работе в нем предполагалось привлекать представителей белорусской интеллигенции, проживавшей как на территории Беларуси, так и за ее границами, которые могли бы внести вклад в сбор, обработку и научное осмысление знаний о родной стране. Например, представители сельской

интеллигенции – учителя, агрономы, врачи – рассматривались как важнейший источник информации о быте, традициях и народном творчестве белорусов. В результате к середине 1920-х гг. была сформирована система горизонтальных связей с учеными и представителями общественности, остававшимися за пределами института, но вносившими вклад в его работу. Предпринимались даже попытки формализовать эту систему, в частности, введением в устав Инбелкульта 1924 г. нового для научных организаций принципа формирования их штатного состава. Из сохранившихся в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси) документов видно, что внештатная должность члена-корреспондента предусматривалась для тех исследователей, разработки которых способствовали развитию отечественной науки. Делая ставку на отдельных представителей интеллигенции, ученые Инбелкульта, тем не менее, вскоре убедились в том, что желание участвовать в его работе высказывали рабочие, крестьяне, люди, не имевшие высшего либо профильного образования. Так в апреле 1924 г. Агросекция Инбелкульта сообщала в Народный комиссариат земледелия о лесничем Паричского лесничества (Светлогорский район Гомельского области), который составил и передал ученым проект белорусской научной терминологии по лесоводству, включавший более 2500 терминов [1, л. 73]. В итоге, Инбелкульт значительно расширил сеть своих корреспондентов, количество которых на 1 февраля составило 64 человека [2, л. 81]. Однако далеко не во всех случаях удавалось добиться включения того или иного человека в штат Инбелкульта, даже в таком статусе, как член-корреспондент. Это, в частности, демонстрирует дело крестьянина-исследователя И. К. Мороза, труды которого были высоко оценены учеными первого белорусского научного учреждения, однако не получили формального признания.

Информация о крестьянине-исследователе И. К. Морозе из деревни Фатынь Лепельского уезда была впервые озвучена на заседании Сельскохозяйственной секции Института белорусской

культуры 24 апреля 1925 г. [3, л. 221]. Секция, начавшая активную работу в марте 1924 г., стремилась охватить широкое число вопросов. Она исследовала историю аграрных отношений, потенциал сельскохозяйственного производства Беларуси, особенности возделывания земель, отбор районированных видов растений, оптимальных удобрений и севооборота, описание местных пород животных и анализ их кормовой базы. В середине 1920-х гг. в деятельности секции приняли участие более 60 человек, как штатных специалистов, так и внештатных – агрономов, крестьян-исследователей, представителей опытных станций. На передовое хозяйство в Фатыни обратил внимание член секции М. З. Лайков во время поездки по Витебской области. В своем выступлении ученый назвал Иосифа Кондратьевича Мороза «белорусским Мичуриным», опыт работы которого заслуживал всестороннего изучения и пропаганды, в том числе, в изданиях Инбелкульта [3, л. 221]. Учитывая огромный опыт работы И. К. Мороза, для заслушивания его доклада 30 мая 1925 г. было созвано внеочередное собрание Сельскохозяйственной секции, на котором присутствовало 30 сотрудников [3, л. 334].

Традиции практически еженедельных докладов сложились в секции с момента ее основания. Но до этого времени они зачитывались учеными, разбиравшими вопросы экономики сельского хозяйства Беларуси: «Рентабельность болот», «Общие условия хозяйствования и обзор полевого хозяйства», «Пар в понимании белорусского крестьянина», «Белорусское крестьянское шестиполье» [1, л. 100–101]. «Об экономических исследованиях сельского хозяйства», «Об агрономической исследовательской работе в Беларуси» [1, л. 131]. В случае с И. Морозом, информация представлялась специалистом, имевшим значительный опыт работы как в практическом, так и в теоретических аспектах аграрной науки. А она в этот период развивалась в духе концепции «Беларусь – Красная Дания», взглядов народного комиссара земледелия Д. Ф. Прищепова и профессора И. А. Кислякова. Влияние последнего доказывает тот

факт, что на заседании 24 апреля 1925 г. его было предложено ввести в состав президиума сельскохозяйственной секции. Оптимальной формой землепользования, которая наилучшим образом соответствовала условиям Беларуси, И. А. Кисляков считал поселковую форму, в случае ее невозможности – хутора и отрубы [4].

Таким образом, доклад крестьянина из Фатыни отлично укладывался в образ будущего белорусского предпринимателя, освоившего рыночное производство сельскохозяйственной продукции. В частности, в садоводстве наблюдалось два основных направления: садоводство промышленного значения и селекционное. Девять сортов яблонь (Антоновка каменичка, Черногуз, Бабушкино, Титовка и др.) были предназначены для промышленных садов. Для садов любительских предназначались Сахарное литовское, Белый налив, Коричневое, Штетин красный, Антоновка сладкая и др. Последний сорт был выведен лично И. К. Морозом. Помимо этих групп, росло несколько десятков сортов плодовых и ягодных деревьев и кустов, которые составляли отдельную коллекцию, но не шли в массовое разведение. Дело в том, что по итогам многолетних наблюдений были отобраны лишь устойчивые к внешнему воздействию сорта, определенные для промышленного разведения [3, л. 334].

На пахотных землях был введен севооборот с посевом красного клевера, который разводился в хозяйстве специально для этих целей. Однако на рынок продукция полеводства не поступала, обеспечивая нужды хозяйства. Продавались лишь семена красного клевера.

Семена картофеля перед посадкой проходили испытания на их устойчивость к местным условиям климата и почвы. Ключевым сортом в хозяйстве являлся картофель «Профессор Вольтман», обе разновидности которого показали, как высокую урожайность, так и стойкость в отношении заболеваемости [3, л. 339]. Примечательно, что именно этот сорт позднего картофеля был рекомендован Белорусским отделением Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур в конце 1920-х

гг. по результатам проведенных учеными исследований [5, с. 267].

Всего участок И. К. Мороза занимал 119 десятин (около 260 га). Распределение земли в хозяйстве осуществлялось следующим образом: 29 десятин под пахотными землями, 28 десятин под сеножать, 8 десятин под сад, 2 десятины под огород, участки под рассаду садовых и декоративных растений, гумно и виноградники [3, л. 330]. Коммерциализация начиналась с этапа продажи семян и рассады, где основным центром сбыта выступал местный рынок. Особой популярностью, как отмечал докладчик, пользовалась рассада брюквы, свеклы, а также фатынской белокочанной капусты, отличавшейся чрезвычайной плотностью вилка и белизной [3, л. 334]. На участке действовала сушилка для овощей и фруктов, производительность которой составляла 7–8 пудов сухого материала в сутки. Животноводство пока не имело промышленного характера. Во время войн начала века хозяйство семьи Мороз сильно пострадало, и основной урон был нанесен поголовью скота. Поэтому основное внимание было направлено на репродукцию стада. Исключительное внимание, согласно докладу И. К. Мороза, в хозяйстве придавалось учебно-показательной пасеке, где было представлено несколько пород пчел и видов ульев [3, л. 335].

В ходе доклада обнаружилось, что помимо выпуска собственно сельскохозяйственной продукции, Фатынь, находившаяся в собственности семьи Мороз с 1888 г., представляла собой уникальный пример многопрофильного предприятия. Потребности хозяйства в корзинах обеспечивались на месте, для чего разводилась несколько сортов корзиночной лозы. Также имелись насаждения ветлы, из которой изготавливались дуги. Серебристые кролики разводились ради пушнины и мяса. Собирался чай из сушеных яблок, из собственного винограда производилось вино. Имелись насаждения отдельных тропических растений [3, л. 335]. В результате, судя по докладу И. К. Мороза, навыки многопрофильности оказались критически важными для выживания хозяйства, оказавшегося способным собственными силами обеспечить базовые потребности не только в

продовольственных продуктах, но и в обуви, одежде, мебели, орудиях труда.

Собственно, исследовательский опыт в хозяйстве И. К. Мороза, помимо селекционных мероприятий, был представлен так называемыми «мастерскими учебными пособиями» [3, л. 336]. Под ними понимались коллекции насекомых, семян растений, гербарии, сборы скелетов и чучел животных, птиц и рыб. С 1906 г. регулярные наблюдения вела метеорологическая станция 3 разряда. Имелась библиотека, включавшая обширный раздел садоводства и огородничества, подборку периодических изданий. Пользоваться библиотекой могли все желающие.

До своего знакомства с сотрудником Инбелкульта, И. К. Мороз поддерживал связи с учеными, в том числе из-за рубежа [6]. Так, в 1925 г. он проводил испытания сорта картофеля под названием «Всегда хороший», образец которого был прислан Московской опытной станцией. Фруктовый чай, производимый в хозяйстве, шел на продажу в Москву, Киев и Варшаву.

Подводил итоги дискуссии С. В. Скандраков, стоявший у истоков Сельскохозяйственной секции Института белорусской культуры. Он отметил: «Сёння мы мелі гонар выслухаць лекцыю сялянiна-прафэсара, у якіх трэба вучыцца і маладым, і старым аграномам» [3, л. 352]. Для изучения опыта хозяйствования предлагалось направить специальную комиссию Инбелкульта. Самому же фальварку Фатынь предлагалось присвоить статус культурно-научного хозяйства республиканского значения, чтобы оградить его любого рода посягательствам [3, л. 349].

Временный Президиум Сельскохозяйственной секции, собравшийся на заседание 2 июня 1925 г., уточнил и расширил список мероприятий, который предполагалось предпринять по итогам выступления И. К. Мороза. Было принято решение утвердить крестьянина-исследователя в качестве члена корреспондента Инбелкульта, что не несло за собой включения в штат, однако означало высокую оценку его заслуг перед наукой. Соответственно, Фатынь получала статус «хозяйства члена корреспондента Института белорусской культуры» и соответствующее культурно-научное значение [3, л. 238]. Подчеркнуть республиканское значение хозяйства должна была

специальная охранная грамота, о выдаче которой планировалось попросить Народный комиссариат земледелия БССР (Наркомзем).

Решение о публикации монографии о хозяйстве И. К. Мороза было принято еще в апреле 1925 г. Разработка ее структуры была поручена М. З. Лайкову [3, л. 221]. Президиум Сельскохозяйственной секции внес предложение о публикации книги также за счет Наркомзема [3, л. 268]. Изучать опыт хозяйствования должна была научная экспедиция в составе членов Сельскохозяйственной секции М. И. Бурштейна, М. З. Лайкова, С. В. Скандракова. Непосредственным перениманием опыта должна была заняться школа по садоводству и пчеловодству, которую предложено было открыть в соседнем хозяйстве Бочейково.

Планировалось отметить личный трудовой подвиг И. К. Мороза, ходатайствуя о присвоении ему ордена «Трудового Красного Знамени БССР». Несомненно, он подходил по основным требованиям, проявляя самоотверженность, инициативу и трудолюбие в решении хозяйственных задач.

Все вышеперечисленные меры представляются достаточно реалистичными и выполнимыми. Все они были поддержаны на заседании президиума Института белорусской культуры, состоявшемся 3 июня 1925 г. [7, л. 131] То, что большинство из них находилось в рамках компетенции Наркомзема, подчеркивает тот факт, что председателем июньского заседания являлся Народный комиссар земледелия Д. Ф. Прищепов. Таким образом, перечень тех мероприятий, которые собирался проводить Инбелкульт в отношении хозяйства И. К. Мороза, уже получил непосредственное одобрение наркома. Идея «приближения науки к жизни», высказанная на майском заседании С. В. Скандраковым, также находилась в русле современной экономической политики.

Тем не менее, в документах, отражающих дальнейшую работу Сельскохозяйственной секции, имя И. К. Мороза и фальварок Фатынь больше не встречаются. На заседания Президиума Инбелкульта вопрос о «белорусском Мичурине» больше не поднимался, в списках членов-корреспондентов его

имя не значит. Многообещающее начало сотрудничества не было реализовано на практике. Несомненно, получение ордена «Трудового Красного Знамени БССР», учрежденного менее года назад, было делом достаточно проблематичным. Однако использование передового хозяйства в качестве исследовательской станции и присвоение ему соответствующего статуса было в силах реализовать за небольшой промежуток времени.

Основной причиной отсутствия дальнейших связей с И. К. Морозом видится сам характер хозяйства и, как ни парадоксально, достигнутые им успехи. Сообщая на заседании в апреле 1924 г. о передовом опыте Фатыни, М. З. Лайков отметил, что работы в Фатыни проводятся силами семьи Мороз, включающей 25 человек [3, л. 221]. В ходе своего доклада Иосиф Константинович говорил о том, что такие результаты были достигнуты коллективным трудом семьи Мороз. Пример работы одной, хоть и большой, крестьянской семьи скорее противоречил, чем подтверждал курс на создание коллективных хозяйств. Методика деятельности И. К. Мороза, для членов секции была скорее успешным примером работы индивидуального хозяйства, выведенного из состояния малоземелья, за что особо активно ратовал И. А. Кисляков. Однако уже в ходе майского заседания поступило предложение от сотрудника Наркомзема А. И. Козловского о переводе хозяйства на «плановую работу» [3, л. 352], что предполагало скорее административный над ней контроль, нежели реальные изменения в десятилетиями выверенной схеме сельскохозяйственных дел. Этот вывод подтверждается и информацией краеведа Т. Шлег [6] о том, что попытки создать на основе Фатыни совхоз в 1919–1923 гг. закончились неудачей, однако, несмотря на это, в конце 1920-х гг., И. К. Морозу вновь предложили возглавить коллективное хозяйство. Как показывает практика, правильной, с точки зрения государственной идеологии, исследовательской работой крестьянин мог заниматься в БССР лишь в институционализированных рамках, к примеру, Института крестьян-исследователей, работавшего во второй половине 1920-х гг.

Приглашение И. К. Мороза в Институт белорусской культуры соответствовало исследовательской парадигме членов Сельскохозяйственной секции, стремившихся опираться на местный опыт и традиции хозяйствования. Его участие в работе Инбелкульты не противоречило и правилам внутреннего устройства института, в середине 1920-х гг. приветствовавшего исследователей из всех социальных слоев. Учитывая важность проделанной И. К. Морозом работы, естественным было решение не только о его принятии в члены корреспонденты Института белорусской культуры, но и фактическое предоставление ему и его хозяйству научного статуса.

Список использованных источников:

1. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). – Ф. 67. Оп. 1. Д. 3.
2. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 67. Оп. 1. Д. 23.
3. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 67. Оп. 1. Д. 11.
4. Кісьлякоў, Я. Пасёлкі: (оптымум тэрыторыі і эфэкт землеўпарадкавання) / Ян Кісьлякоў. – Менск : [б. в.], 1928. – 116 с. – (Працы Беларускага навукова-дасьледчага інстытуту сельскае і лясное гаспадаркі імя Ў. І. Леніна пры СНК БССР ; т. 5).
5. История аграрной науки Беларуси (XIX – начало XXI в.) : в 2 ч. / В. Г. Гусаков [и др.] ; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2017. – Ч. 1. – 310 с.
6. Шлег, Т. Дело Мороза от процветания до краха [Электронный ресурс] / Т. Шлег. – Режим доступа: <http://blukach.lepel.by/post/552>. – Дата доступа: 05.07.2021.
7. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 67. Оп. 1. Д. 9.

References:

1. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (CSA NAS of Belarus)*. F. 67. L. 1. Rec. 3. (in Russian).
2. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 67. L. 1. Rec. 23. (in Russian).
3. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 67. L. 1. Rec. 11. (in Russian).
4. Kis'lyakou Ya. *Settlements: (optimum of territory and land management effect)*. Minsk, 1928. 116 p. (in Belarusian).
5. Gusakov V. G., Gaponenko O. A., Danilovich V. V., Krivichanina E. A., Nosevich L. I., Smekhovich N. V. *History of agrarian science of Belarus (XIX - the beginning of XXI century). Part 1*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 310 p. (in Russian).
6. Schleg T. *The Moroz case from prosperity to collapse*. Available at: <http://blukach.lepel.by/post/552> (accessed 07.05.2021) (in Russian).
7. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 67. L. 1. Rec. 9. (in Russian).

Дата поступления статьи 08.07.2021
Received 08.07.2021